

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Ричард Бахман, умерший от рака в конце 1985 года, опубликовал пять романов. В 1985 году при переезде в новый дом вдова писателя обнаружила в подвале большую картонную коробку, набитую рукописями романов и рассказов разной степени завершенности. От стенографических записей в блокноте (первоначальный вариант) до рукописей, отпечатанных на машинке и подготовленных к отправке в издательство. Именно в таком виде она нашла рукопись романа, приведенного ниже. Рукопись лежала в отдельной папке, перетянутой клейкой лентой. Вероятно, Бахман закончил роман перед тем, как подошел к концу период последней ремиссии.

Миссис Бахман принесла рукопись мне для оценки, и я пришел к выводу, что этот роман ни в чем не уступает другим романам, вышедшим из-под пера писателя. Я внес в текст минимальные изменения, дабы привести его в соответствие с нынешним днем (к примеру, заменил Роба Лоу* на Итана Хоука** в первой главе), но в основном оставил все так, как

* Лоу, Роб (р. 1964) — киноактер, снимался у Фрэнсиса Копполы («Изгой») и Джоэла Шумахера («Огни святого Эльма»). — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Хоук, Итан (р. 1970) — популярный актер театра и кино, театральный режиссер, впервые вышел на сцену в 1983 г., снимается в фильмах с 1985 г.

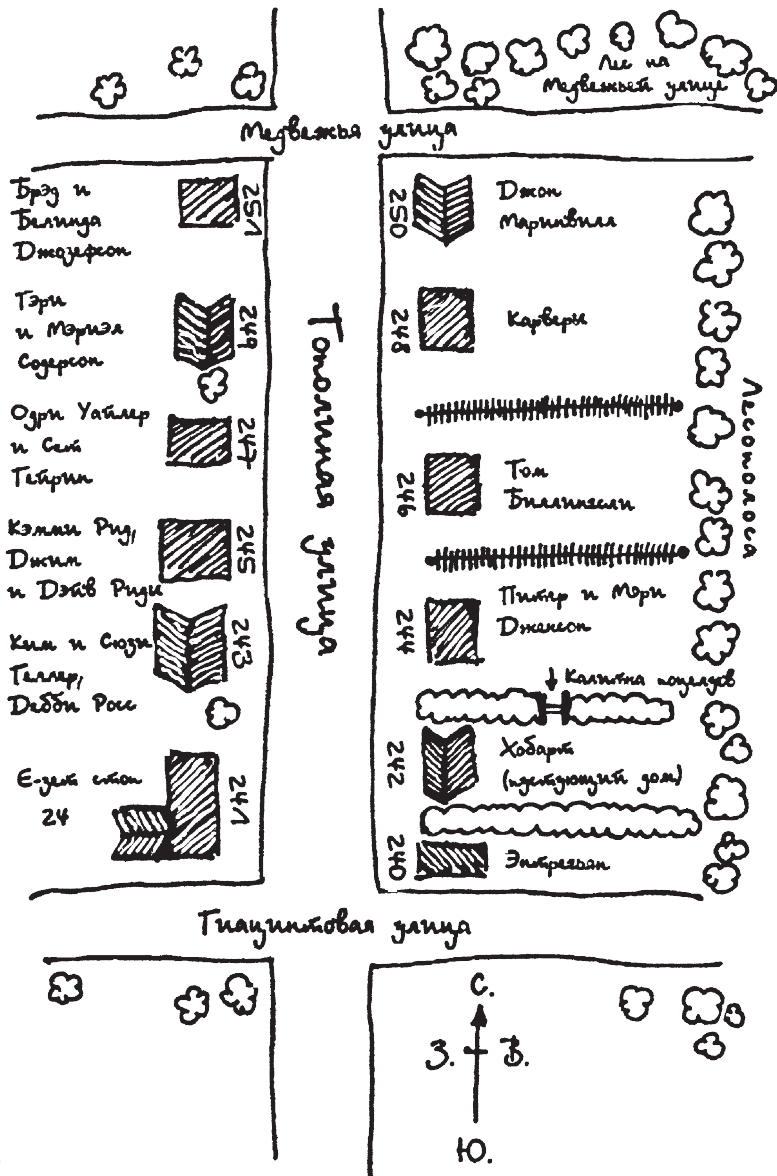
СТИВЕН КИНГ

было. Роман этот предлагается читателю (разумеется, с разрешения вдовы автора) как надгробный камень Ричарду Бахману, чья писательская карьера была короткой, но небезынтересной.

Выражаю благодарность Клаудии Эшелман (ранее носившей фамилию Бахман), библиографу Бахмана Дугласу Уинтеру, Элейн Костер из «Новой американской библиотеки» и Кэролайн Стромберг, редактировавшей ранние книги Бахмана и подтвердившей, что роман написан им.

Вдова писателя говорит, что Ричард Бахман, насколько ей известно, никогда не путешествовал по Огайо, «разве что раз или два пролетал над этим штатом». Она также не знает, когда ее муж писал роман, хотя подозревает, что по ночам. Ричард Бахман страдал хронической бессонницей.

*Чарлз Веррилл,
Нью-Йорк*

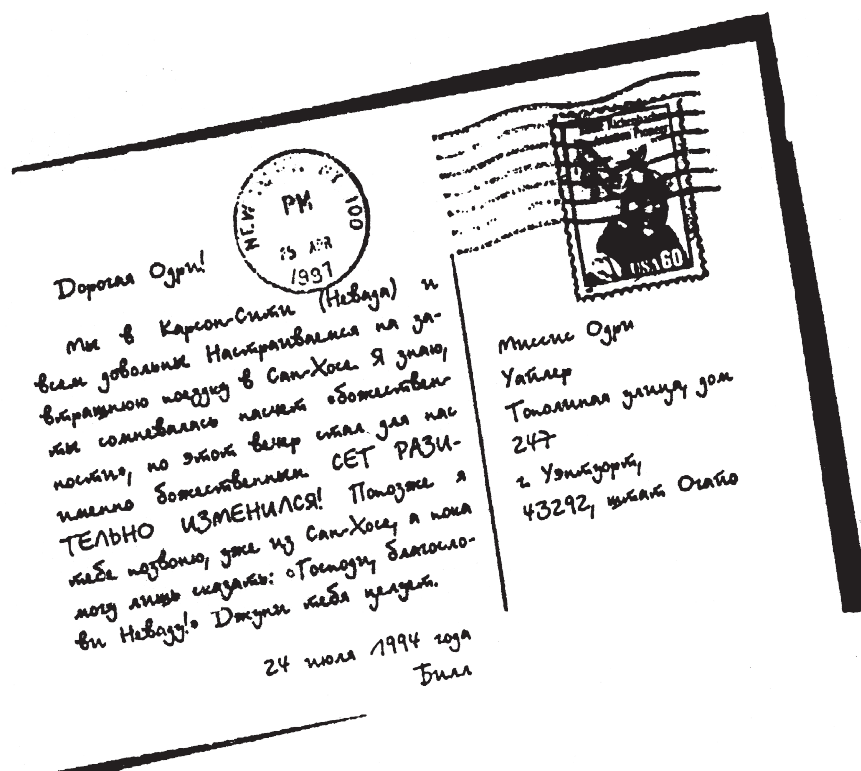

8

СТИВЕН КИНГ

Почтовая открытка от Уильяма Гейрина его сестре Одри Уайлер:

Мистер, наш товар — свинец.

Стив Маккуинн.

Великолепная семерка

ГЛАВА 1

Тополиная улица,

15 июля 1996 года, 15.45

Лето.
Не просто лето, но апофеоз лета, пик лета в Огайо. Сочная зелень, ослепительное солнце на небе, напоминающем своим цветом вылинявшие джинсы, крики детей в лесу на Медвежьей улице, звонкие удары бит по мячу, доносящиеся с бейсбольной площадки по другую сторону леса, стрекотание газонокосилок, мерное гудение мощных моторов автомобилей, пронсящих по шоссе номер 19, поскрипывание роликов на бетонных тротуарах и гладком асфальте Тополиной улицы, включенные радиоприемники: репортаж с матча «Кливлендских индейцев» (редкий случай — игра проходит днем) конкурирует с песней Тины Тернер «Ограничения города Натбуш», той самой, в которой сообщается, что предельная скорость — двадцать пять миль в час, а мотоциклистам вообще въезд запрещен, и мягкое, успокаивающее посвистывание поливальных распылительных головок на газонах.*

Лето в Уэнтворте, Огайо, какое это чудо! Лето здесь, на Тополиной улице, которая прорезает эту легендарную, но уже слегка увядшую Американскую мечту, с запахом хот-догов в воздухе и бумажными обертками от использованных Чет-

* Бейсбольная команда, входящая в Восточный дивизион Американской бейсбольной лиги.

вертого июля петард, еще валяющимися в водосточных канавах. Жаркий июль, настоящий июль, каким хотел его видеть Господь Бог, но и очень сухой июль, без дождей, которые могли бы стронуть с места китайские бумажки, пятнающие водосточные канавы. Сегодня, однако, возможны перемены. На западе погромыхивает, и те, кто смотрит «Погодный канал» (на Тополиной улице кабельное телевидение чуть ли не в каждом доме, будьте уверены), знают, что ближе к вечеру обещаны грозы. Вероятность торнадо невелика, но полностью не исключается.

А пока рука сама тянется к арбузу или к стакану «кулэйда». В центральной части Америки царит лето, о каком только можно мечтать. На подъездных дорожках стоят «шевроле», бифштексы в холодильниках ждут теплого вечера, когда их поджарят на гриле во дворе (наверное, после бифштексов придет время для яблочных пирогов). Огайо, земля аккуратно подстриженных зеленых лужаек и ухоженных цветочных клумб, королевство Огайо, где подростки носят бейсбольные кепки козырьком к затылку и полосатые рубашки поверх мешковатых шорт, а также отдают предпочтение похожим на галоши кроссовкам «Найк».

В квартале Тополиной улицы, что расположился между Медвежьей, на вершине холма, и Гиацинтовой, у его подножия, одиннадцать жилых домов и один магазин, универсальный американский магазин, где можно купить сигареты, кассеты и диски, дешевые сладости, все необходимое для пикника (бумажные тарелки, пластмассовые вилки, чипсы, мороженое, кетчуп и горчицу) и многое, многое другое. В «Е-зет стоп 24» можно приобрести даже свежий номер «Пентхауса», если на то есть желание, но для этого необходимо обратиться к продавцу: в королевстве Огайо эротические журналы принято держать под прилавком. И это правильно. Главное ведь в том, что вы знаете, где взять такой журнал.

Продавщица сегодня новенькая, работает меньше недели, и в этот момент, в 15.45, обслуживает маленького мальчика

и девочку. Девочка выглядит лет на одиннадцать и обещает вырасти красавицей. Мальчику, ее младшему брату, лет шесть, и в нем (во всяком случае, на взгляд новой продавщицы) уже проглядывают признаки отъявленного паршивца.

— Я хочу два шоколадных батончика! — заявляет брат-паршивец.

— У нас денег только на один, если мы выпьем по банке газировки, — отвечает красотка-сестричка, проявляя, по мнению продавщицы, ангельское терпение. Будь это ее младший братец, думает продавщица, она дала бы ему такого пинка, что он без труда получил бы роль горбуна в школьной постановке пьесы «Собор Парижской Богоматери».

— Мама дала тебе утром пять баксов, я видел, — канючит паршивец. — Где остальные деньги, Мар-р-р-р-грит?

— Не зови меня так, ты же знаешь, что я этого терпеть не могу, — отвечает девочка. У нее длинные золотистые волосы, от которых продавщица просто балдеет. У самой продавщицы короткая стрижка, волосы завиты мелким бесом, причем на правой половине головы они оранжевые, а на левой — зеленые. Она полагает, что с такой экзотической окраской волос не получила бы эту работу, если бы управляющий смог найти кого-то еще, согласного работать с одиннадцати утра до семи вечера. Ей, как говорится, повезло, ему — нет. Управляющий добился от нее обещания повязывать поверх разноцветных волос бандану или надевать бейсбольную кепку, но обещания для того и даются, чтобы их не выполнять. А теперь продавщица видит, с каким восторгом красотка-сестричка взирает на ее волосы.

— Маргрит-Маргрит-Маргрит! — верещит паршивец с такой злобой, на которую способны только младшие братья.

— Меня зовут Эллен, — объясняет сестра, проявляя недюжинное хладнокровие. — Маргарет — мое второе имя. Брат зовет меня так, потому что знает, как я ненавижу это имя.

— Рада познакомиться с тобой, Эллен, — улыбается продавщица, выкладывая на прилавок покупки Элли.

— Рад познакомиться с тобой, *Мар-р-р-р-грит!* — кривляется брат-паршивец. Он морщит нос и закатывает глаза. — Рад познакомиться с тобой, Маргрит Придурастая.

— Мне нравятся твои волосы. — Эллен оставляет его ругань без внимания.

— Спасибо. — Улыбка продавщицы становится шире. — Но они не такие красивые, как твои. С тебя доллар сорок шесть центов.

Девочка достает из кармана джинсов маленький пластиковый кошелек. Его надо сжать, чтобы он открылся. В кошельке две смятые долларовые купюры и несколько центов.

— Спроси Маргрит Придурастую, где остальные три доллара! — Паршивец чуть не выпрыгивает из штанов. Он вполне мог бы заменить собой систему громкой связи. — Она их потратила, чтобы купить журнал с И-и-и-и-иитаном Хоу-у-у-у-у-ком на обложке!

Эллен по-прежнему игнорирует вопли брата, хотя щеки у нее начинают краснеть. Она протягивает продавщице два доллара и говорит:

— По-моему, раньше я тебя не видела.

— Скорее всего нет. Я начала работать в прошлую среду. Сюда искали такого человека, который согласился бы работать с одиннадцати до семи, а потом задерживаться еще на пару часов, на тот случай, если кто-то захочет вечером забежать в магазин.

— Очень приятно с тобой познакомиться. Я Элли Карвер. А это мой младший брат Ральф.

Ральф Карвер высовывает язык и издает неприличный звук. Мерзкая маленькая тварь, думает продавщица с двухцветными волосами.

— Я Синтия Смит. — Она через прилавок протягивает девочке руку. — Всегда Синтия и никогда Синди. Сможешь запомнить?

Девочка, улыбаясь, кивает.

— А я всегда Эллен и никогда Маргарет.

— *Маргрит Придурастая!* — визжит Ральф, от избытка чувств взмахивая руками и хлопая себя по бедрам. — *Маргрит Придурастая любит И-и-и-и-и-и-тана Хоу-у-у-у-у-у-ка!*

Эллен бросает в сторону Синтии исполненный бесконечного смирения взгляд, который говорит: *Видишь, что мне приходится сносить.* У Синтии тоже был младший брат, поэтому она точно знает, что приходится сносить красоте Элли. Ей хочется отпустить по этому поводу шутку, но она сдерживается, ведь в таком возрасте девочки воспринимают все всерьез. Элли дает братцу банку пепси.

— Батончик мы разделим пополам.

— Тогда ты прокатишь меня на Бастере, — говорит Ральф, направляясь вместе с сестрой к выходу, навстречу яркому прямоугольнику, нарисованному на полу солнечным светом, падающим через окно. — *Довезешь до самого дома.*

— Черта с два, — отвечает Эллен.

Когда же она открывает дверь, брат-паршивец поворачивается и бросает на Синтию самодовольный взгляд, истолковать который можно только так: *Посмотришь, чья возьмет, подожди, и ты все увидишь.*

Они выходят.

На дворе лето, но не просто лето. Мы говорим о пятнадцатом дне июля, когда лето на самом пике, когда оно безраздельно царствует в маленьком городке в штате Огайо, где большинство детей посещают Каникулярную библейскую школу или участвуют в Программе летнего чтения, проводимой местной библиотекой. В этом городке у одного мальчика есть маленький красный возок, который он назвал (только он знает почему) Бастером. Одиннадцать домов и один магазинчик купаются в сиянии летнего дня, девяносто градусов в тени, девяносто шесть* на солнце, воздух дрожит над асфальтом, как над жаровней.

Квартал идет с юга на север, нечетные дома на лос-анджелесской стороне, четные — на нью-йоркской. На холме, на углу

* По принятой в Америке шкале Фаренгейта, соответственно 32 и 35 градусов по шкале Цельсия.

Тополиной и Медвежьей улиц, расположен дом номер 251. Брэд Джозефсон поливает из шланга клумбы, разбитые вдоль дорожки, ведущей к тротуару. Ему сорок шесть лет, у него темно-шоколадная кожа, высокий рост, широкие плечи, грузная фигура. Элли Карвер думает, что выглядит он совсем как Билл Косби...^{*} Во всяком случае, Брэд похож на Билла Косби. Брэд и Белинда Джозефсон — единственные черные в квартале, и прочие жители квартала чертовски горды тем, что они живут рядом с ними. Выглядят Брэд и Белинда так, как и должны выглядеть, по мнению жителей пригородов, черные люди. Хорошая пара. Все соседи любят Джозефсонов.

Кэри Риптон, который, оседлав велосипед, по понедельникам развозит выпуск уэнтуортского еженедельника «Покупатель», огибает угол и на ходу бросает Брэду свернутую в трубочку газету. Тот ловко ловит ее свободной рукой, не сдвинувшись с места. Рука идет вверх — раз, и Брэд уже держит газету.

— Здорово, мистер Джозефсон! — кричит Кэри и катит дальше, брезентовая сумка с газетами лупит его по бедру. На нем форменная рубашка клуба «Орlando мэджик» с цифрой тридцать два, номером Шака.

— Да, хватка еще осталась, — отвечает Брэд и зажимает шланг под мышкой, чтобы развернуть еженедельник и посмотреть, что там на первой странице. Наверняка обычная ерунда, очередные распродажи, но все равно хочется посмотреть. Такова уж человеческая природа, философски думает Брэд. На другой стороне улицы, в доме номер 250, писатель Джонни Маринвилл сидит на крыльце, играет на гитаре и поет. Песенка из тех, что уже всем набили оскомину, но играет Маринвилл хорошо, хотя его не примешь за Марвина Гэя^{**} (или, допустим,

^{*} Косби, Билл (р. 1937) — известный комедийный актер, ведущий популярной телепередачи, лауреат премии «Эмми».

^{**} Гэй, Марвин (1939–1984) — одаренный чернокожий музыкант, популярный исполнитель церковных псалмов, в 1957 г. переключившийся на эстрадные песни.

за Перри Комо*), но с ритма он не сбивается и поет в такт мелодии. Брэд музицирование Джонни воспринимает с неодобрением: человек, который преуспевает в одном занятии, должен им и ограничиться, оставив все прочие желания.

Кэри Риптон, ему четырнадцать лет, у него короткая стрижка, он играет в уэнтуртской команде Американского легиона** («Ястребы», на текущий день — четырнадцать побед и четыре поражения, до конца чемпионата еще две игры), бросает следующую газету на крыльцо дома номер 249, в котором живут Содерсоны. Если Джозефсоны — черная пара Тополиной улицы, то Содерсоны, Гэри и Мэриэл, — пара богемная. На весах общественного мнения супруги Содерсон друг друга стоят. Гэри, мужчину видного, добродушного, всегда готового помочь, соседи любят, несмотря на то что он практически постоянно под градусом. Мэриэл... Пирожок*** Карвер как-то высказалась про нее: «Есть одно слово для таких женщин, как Мэриэл. Оно рифмуется с другим словом, каким называют собаку женского пола».

Бросок Кэри точен. «Покупатель» ударяется о парадную дверь Содерсонов и откатывается на коврик, но никто не выходит, чтобы взять газету. Мэриэл принимает душ (второй раз за день, она ненавидит такую жаркую погоду, когда не успеваешь смывать с себя липкий пот), Гэри во дворе набивает гриль торфяными брикетами, словно собирается поджарить целого теленка. На Гэри фартук с надписью: «ПОВАРА МОЖНО И ПОЦЕЛОВАТЬ». Жарить мясо еще рано, но готовиться к этому действию никогда не поздно. Посередине двора под большим цветастым зонтом стоит раскладной столик, на нем — переносной бар Содерсона: банка с оливками, бутылка джина и бутылка вермута. Бутылка вермута еще не распечатана. Перед

* Комо, Перри (1912–2001) — исполнитель баллад и народных песен.

** Молодежные соревнования, которые проводятся под патронажем Американской бейсбольной лиги.

*** Ласковое прозвище миссис Карвер.

ней стакан с двойным мартини. Гэри закладывает в гриль последний брикет, подходит к столу и допивает то, что осталось в стакане. Мартини он обожает, прикладывается к стакану достаточно часто и к четырем часам может и отключиться. Обычно так и случается в те дни, когда ему не надо вести занятия. И нынешний день — не исключение.

— Отлично, — говорит Гэри, — переходим к следующему вопросу повестки дня. — После этого он приступает к приготовлению «мартини Содерсона». Процесс состоит из трех этапов:

- 1) заполнить стакан на три четверти джином «Бомбей»;
- 2) добавить одну оливку;
- 3) чокнуться с нераспечатанной бутылкой вермута.

Среди обычных летних звуков: криков детей, гудения газонокосилок, стрекотания насекомых — Гэри слышит перезвоны гитары писателя, нежные и чистые. Мелодию он ухватывает сразу и танцует под нее в тени зонта со стаканом в руке, громко напевая: *«Так поцелуй меня и улыбнись мне... Скажи, что ждал меня... Обними крепко, словно никогда не отпустишь»*.

Хорошая песня, Гэри помнит ее еще с тех времен, когда у Ридов, что живут через дом от него, близнецов не было и в помине. На мгновение Гэри задумывается о том, как коротко время, как быстро оно проносится мимо. Но грустные мысли в голове у Содерсона не задерживаются. Он делает изрядный глоток, прикидывая, готов ли гриль к работе. Среди прочего он слышит и шум льющейся в душе воды и думает о Мэриэл. Сучка, конечно, но она не забывает следить за своим телом. Гэри думает о том, как Мэриэл намыливает грудь, круговыми движениями лаская кончиками пальцев соски, чтобы они затвердели. Разумеется, ничего этого Мэриэл не делает, но такой образ отогнать трудно, а сам по себе он не уйдет. И Гэри воображает себя святым Георгием, но современным, живущим в двадцатом столетии. Он отражает дракона вместо

того, чтобы убить. Гэри ставит стакан на раскладной столик и направляется к дому.

О Господи, летнее время, веселое летнее время, как легко живется в это время на Тополиной улице.

Кэри Риптон смотрит в зеркало заднего обзора, убеждается, что мостовая пуста, и переезжает на восточную сторону улицы, к дому Карверов. Дом мистера Маринвилла он пропускает, потому что в самом начале лета мистер Маринвилл дал ему пять долларов за то, чтобы он не снабжал его «Покупателем». «Пожалуйста, Кэри, — в глазах мистера Маринвилла застыла мольба, — я не могу читать об открытии еще одного супермаркета или о распродаже в аптеке. Я просто умру, если это прочту». Кэри абсолютно не понимает мистера Маринвилла, но человек он хороший, а пять баксов — это пять баксов.

Миссис Карвер открывает входную дверь, когда Кэри легонько бросает ей газету «Покупатель». Она пытается поймать, но неудачно. Миссис Карвер заразительно смеется. Кэри смеется вместе с ней. У миссис Карвер нет ни хватки, ни рефлексов Брэда Джозефсона, но женщина она симпатичная и очень общительная. Ее муж, в плавках и резиновых шлепанцах, моет автомобиль на подъездной дорожке. Краем глаза Кэри замечает, что Дэвид Карвер вытягивает руку, наставляя на подростка палец. Тот отвечает тем же, и они притворяются, будто стреляют друг в друга. Кэри нравится эта игра. Дэвид Карвер работает на почте, и Кэри приходит к выводу, что он в отпуске. Мальчик дает себе зарок: если уж ему придется работать с девяти до пяти, когда он вырастет (Кэри знает, что с некоторыми это случается, как диабет или почечная недостаточность), он никогда не будет проводить отпуск дома, тратя свободное время на мытье автомобиля.

«Да и автомобиля у меня не будет, — думает Кэри. — Куплю себе мотоцикл. И не какой-то там японский. Большой старый «харлей-дэвидсон». Вроде того, что стоит у мистера Маринвилла в гараже. Из американской стали».

Кэри смотрит в зеркало заднего обзора и замечает что-то ярко-красное на Медвежьей улице, за домом Джозефсона, похоже, фургон, припаркованный на юго-западном углу перекрестка. Затем Кэри вновь пересекает улицу и на сей раз оказывается перед домом номер 247, где живет Одри Уайлер.

Из всех домов улицы, в которых живут (а пустует только дом старика Хобарта, номер 242), этот единственный неухоженный. Маленький коттедж, который давно следовало бы покрасить. Не мешало бы и добавить гравия на подъездную дорожку. Над газоном вертится поливальная распылительная головка, но трава тем не менее местами пожелтела и пожухла, такого нет ни на одной другой лужайке, даже перед домом Хобарта.

Она не знает, что одного полива недостаточно, думает Кэри, сунув руку в мешок за очередным свернутым в трубочку «Покупателем». Ее муж знал наверняка, но...

Тут до него доходит, что миссис Уайлер (Кэри полагает, что, обращаясь к вдовам, надо все равно говорить «миссис») стоит за сетчатой дверью*, и, хотя он видит только ее силуэт, ему становится как-то не по себе. На мгновение Кэри теряет равновесие, а когда бросает газету, его прицел сбивается. В результате «Покупатель» приземляется не на крыльцо, а на куст, растущий рядом. Кэри ругает себя последними словами, он напоминает себе разносчика газет из глупой кинокомедии, где какой-нибудь «Дейли Бьюгл» забрасывается на крышу или в самую середину розового куста. В другой день (и в другом доме) он мог бы слезть с велосипеда, вернуться, достать газету, положить ее на крыльцо, а может быть, с улыбкой отдать даме в руки. Но не сегодня. И не здесь. Что-то ему во всем этом определенно не нравится. Что-то в ее позе: она стоит понурившись, руки болтаются как плети. Похоже на игрушку,

* Рама с натянутой на нее сеткой для защиты от насекомых, которая навешивается в проеме входной двери. Характерная принадлежность большинства американских домов.

в которой села батарейка. А может, дело не в этом. Кэри не может разглядеть ее, мешает сетка, но ему кажется, что миссис Уайлер до пояса голая и стоит в прихожей в одних лишь шортах. Стоит и смотрит на него.

Если так, то сексуального в этом ничего нет. Только мурашки бегут по коже.

И этот мальчишка, что живет с ней, ее племянник, от него тоже мурашки бегут по коже. Сет Гарланд или Гарин, что-то в этом роде. Он никогда ничего не говорит, даже если ты обращаешься к нему: «Эй, как поживаешь? Тебе тут нравится? Как по-твоему, «Индейцы» опять выиграют?» — лишь смотрит на тебя глазами цвета тины. Смотрит так, как сегодня смотрит на него, Кэри это чувствует, миссис Уайлер. «Заходи ко мне в гостиную», — сказал паук мухе. Вот такой у нее сейчас взгляд. Ее муж умер в прошлом году (как раз в то время, когда у Хобартов случилась беда и они переехали), и людская молва утверждает, что причина — не несчастный случай. Люди говорят, что Херб Уайлер (он коллекционировал марки и однажды подарил Кэри старое пневматическое ружье) покончил с собой.

Большущие мурашки еще бегут у него по коже, когда Кэри, в очередной раз взглянув в зеркало заднего обзора, пересекает улицу. Красный фургон все так же стоит на углу Медвежьей и Тополиной улиц (какой он нарядный, думает Кэри). Кэри видит, что по мостовой движется автомобиль, синяя «акура», которую он узнает сразу. Это мистер Джексон, еще один учитель, живущий в этом квартале. Только преподает он в университете Огайо. Джексоны живут в доме номер 244, повыше дома старого Хобарта. У них самый красивый дом с просторными комнатами. Участок по склону холма огорожен зеленой изгородью, а от старика ветеринара его отделяет высокий забор из штакетника.

— Привет, Кэри! — Питер Джексон тормозит рядом с подростком. На нем вылинявшие джинсы и футболка с большой